

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Гершунский Б. С.** Философия образования. – М. : Московский психолого-социальный институт : Флинта, 1998. – 432 с.
2. **Клепко С.** Философия освіти в педагогічній освіті // Філософія освіти. – 2007. – № 1 (6). – С. 252–259.
3. **Поліщук Н. В.** Науково-технічний прогрес і духовно-моральне становлення молоді : монографія. – Рівне : О. Зень, 2012. – 464с.
4. **Богат Е. М.** Ничто человеческое... – М. : Политиздат, 1989. – 430 с. – (Личность. Мораль. Воспитание).
5. **Абдулатипов Р. Г.** Человек. Нация, Общество. – М. : Политиздат, 1991. – 224 с.
6. **Поліщук Н. В.** Науково-технічна творчість як важливий елемент формування особистості в епоху науково-технічного прогресу // Трудова підготовка в закладах освіти. – 2011. – № 7. – С. 20–23.
7. **Бех В. П.** Человек и Вселенная; когнитивный анализ. – Запорожье : Тандем-У, 1998. – 148 с.
8. **Бесужев-Лада И. В.** Прогнозирование социальных последствий научно-технической революции // Будущее науки : междунар. ежегодник. – М. : Знание, 1985. – Вып. 18. – 272 с.
9. **Кремень В. Г.** Трансформації особистості в освітньому просторі сучасної цивілізації // Професійно-технічна освіта. – 2009. – № 1. – С. 3–6.
10. **Губерський Л. В., Надольний І. Ф., Андрущенко В. П.** Філософія : навчальний посібник; / за ред. І. Ф. Надольного. – Киев : Вікар, 2008. – 534 с.
11. **Философский словарь.** / сост. И. В. Андрущенко, О. А. Вусатюк, С. В. Линецкий, А. В. Шуба. – Киев : А.С.К., 2006. – 1056 с.
12. **Філософія:** навчальний посібник / за ред. Т. О. Сілаєвої. – Тернопіль : Астон, 2008. – 360 с.
13. **Основи філософських знань.** – [Електронний ресурс]. – URL : <http://subject.com.ua/philosophy/osnovi/163.html>
14. **Педагогика и философия образования.** – [Електронний ресурс]. – URL : <http://www.bestreferat.ru/referat-210246.html>
15. **Кулешова Г. М.** Инновация как новая философия образования. – [Електронний ресурс]. // Интернет-журнал «Эйдос». – URL : <http://www.eidos.ru/journal/2005/0910-20.htm>
16. **Філософська сутність суспільного духовного життя.** – [Електронний ресурс]. – URL : <http://osvita.ua/vnz/reports/philosophy/13184>
17. **Петрушенко В. Л.** Філософія : навч. посіб. – Львів : Новий світ. – 2000, 2011. – 647 с.
18. **Наливайко Н. В.** Глобализация и изменение ценностных ориентиров российского образования // Философия образования. – 2012. – № 6(45). – С. 27–33.

Принята редакцией: 30.12.2013

УДК 13 + 37.0

АНТРОПОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ: ДИСКУРС И ПРАКТИКА

С. А. Смирнов (Новосибирск)

В статье рассматривается институт образования как институт человека. Автор предлагает вернуться к базовым задачам образования, понимая его как пространство, где должны выстраиваться образова-

тельные практики преобразования человека. Автор констатирует, что современное образование окончательно «забыло» человека. В статье вводится понятие автопоэзиса как базового метода и принципа образовательной практики – практик преобразования человека, отличного от принципов мимезиса и экстазиса.

Ключевые слова: антропология образования, институт человека, автопоэзис.

ANTHROPOLOGY OF EDUCATION: DISCOURSE AND PRACTICE

S. A. Smirnov (Novosibirsk)

In the article the institute of education is considered as an institute of human being. The author proposes to come back to the basic goals of education, understanding it as a space where the educational practices should be built, the practices of transfiguration of human being. The author claims that modern education has totally “forgot” human being. The notion of “autopoiesis” is introduced in the article as the basic method and principle of the educational practice, the practices of transfiguration of human being. This principle is contrasted with the principles of mimesis and ecstasy.

Key words: anthropology of education, institute of human being, autopoiesis.

Наше образование давно «забыло» человека: рассматриваются модели университетов, компетентностный подход, кредитная система, ЕГЭ и пр. Но совершенно не обсуждается главное: каким становится человек, проводящий в образовательных учреждениях примерно 10–20 лет?

Образование должно стать институтом человека. Что это – мечта или шанс для радикального изменения? В основании любого образовательного дискурса и образовательной практики (если они себя так позиционируют) закладывается вполне определенный *антропологический проект*. В основании педагогики развивающего обучения, например, лежит проект «человека рационального», «человека просвещения». Какого человека «воздвигает» ныне наше образование как институт человека? Или оно не ведает, что творит? Если ответы на эти вопросы не продумывать, то легко скатиться к демагогии, и псевдогуманистическим лозунгам.

Сразу хотелось бы отметить, что все педагогические концепции, созданные и запущенные в XX в. и бывшие «локомотивами» педагогической мысли и практики, имели в своем основании устаревшие антропологические проекты и модели.

Не успели Э. В. Ильенков и В. В. Давыдов воскликнуть, что «школа должна учить мыслить» (в начале 60-х годов прошлого века), как «на другом берегу» (в Европе) прозвучал другой «крик» о том, что человек умер (М. Фуко, в 1968 г.). При этом они друг друга не слышали. Развивающее

© Смирнов С. А., 2013

Смирнов Сергей Алевтинович – доктор философских наук, проректор по науке и инновациям, Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИНХ».

E-mail: smirnoff1955@yandex.ru

обучение, формирующее «человека рационального», мыслящего, и не знало, что именно этот проект «человека рационального» и умирает (согласно мнению М. Фуко).

Это если говорить о продвинутом (разработанном) образовательном дискурсе. Остальные образовательные практики обсуждать вообще сложно, поскольку там либо смутно угадывается антропологический проект, либо он вообще «не проглядывается» и не обсуждается.

Если говорить о современной, так называемой массовой, школе, то в ней формируются фактически два типа человека: человек тоталитарный и человек маргинальный.

Либо формируется человек, встраиваемый в социальную мегамашину (вне учебного конвейера иного и не бывает), «человек-функция». Либо фактически человек «выбрасывается» на социальную обочину и превращается в маргинала, с утерянными свойствами. «Человек без свойств», по Музилю.

В существующей образовательной практике ни в средней, ни в высшей школе в принципе даже не ставится вопрос об *антропологии образования* или об образовании как об институте человека. То есть даже не обсуждается, какой образ человека строится при осуществлении образовательной практики. Следствием этого отсутствия видения является то, что под содержанием образования имеется в виду все что угодно (компетенции, навыки, знания, умения, способности, нормы, процедуры и пр.), все, что уже привычно и набило оскомину, только не то, ради чего существует институт образования – новая антропология, то есть новая антропопрактика «становления человеческого в человеке». В свою очередь, сама антропология до сих пор «себя не нашла». Она начала выстраивать свой самостоятельный дискурс лишь сто лет назад.

Буквально почти сто лет назад в 1916 г. П. Флоренский говорил о «философской антропологии», имея в виду новое учение – учение о целостном человеке. Он писал следующее: «задача философской антропологии – раскрыть сознание человека как целое, то есть показать связность его органов, проявлений и определений...» [1, с. 39]. И далее «антропология не есть самодовлеимость уединенного сознания, но есть сгущенное, представительное бытие, отражающее собою бытие расширенно-целокупное: микрокосм есть малый образ макрокосмоса, а не просто что-то само в себе» [1, с. 34].

Спустя десять лет М. Хайдеггер в своей работе «Бытие и время» писал о проекте Dasein-аналитики, то есть собственно о «здесь-бытии человека» (см. : [2]).

Примерно в то же время в России М. М. Бахтин разрабатывал свою «философию поступка» (см. : [3]).

Этот антропологический поворот ознаменовался «вулканом идей». Но мало что воплотилось в конкретные социальные и образовательные проекты. Более того, парадоксальным образом антропологический поворот 1910–1920-х гг. был перемолот ГУЛАГом и Освенцимом. Мечта о «конкретном человеке» у Выготского удивительным образом переключалась с тоталитарной «переделкой и перековкой» человека. И мы получили ГУЛАГ, в котором сгинули и Флоренский, и Мандельштам. Мысль о «здесь-бытии

человека» воплотилась в нацизме. М. Хайдеггер надел на лацкан пиджака значок нацистской партии.

После мясорубки нацизма и сталинизма мы получили ублюдочные макеты тоталитарного человека и человека-маргинала (люмпена). Мы получили недоделки, объедки и огрызки.

Нам снова нужны новые другие начала, по выражению В. В. Библихина [см.: 4]. Он обращается вновь к М. Хайдеггеру и к древним грекам. Обращается вновь к истоку. Но прошлое нас ничему не учит. Может, нам нужно обращение к будущему? Но его никто не знает. Нам нужно «настоящее настоящее»? Но оно само по себе не укоренимо. Нам нужна сопрягаемость времен.

Нужен «человек после человека». А значит, нужен новый дискурс о человеке и новая практика человека. Все привычные дискурсы не годятся [см.: 5]. Что бы мы ни делали в школе, все равно получается тоталитарный человек, человек-функция или маргинал. И новые дискурсы должны соответствовать новым антропопрактикам. Каким?

Автопоэзис как каркасный принцип антропологической практики

Какие ориентиры (концепты-принципы) могут быть положены для выстраивания нового неклассического антропологического дискурса?

М. Хайдеггер в одной из своих работ цитирует своего любимого Гельдерлина: «человек поэтически жительствоует в этом мире» [2, с. 295]. То есть собственно поэзис делает человека человеком. Ныне, печально замечает Хайдеггер, не так. Человек ныне на земле поэтически не жительствоует, не живет поэтически. Он вообще является «помехой в кибернетическом мире», «слово о поэтическом жителствовании человека не исполнилось, а не исполненное остается одним сплошным обманом» [2, с. 300].

Мало того, что он забыт, что он перестал о себе заботиться, но он просто является помехой. Это существо, человек, которого Ф. Ницше определял как «омерзение и болезненный стыд», как еще не оформленное животное, фактически и предъявлено ныне миру. И именно с таким разобраным, несобранным, неоформленным существом имеет дело ныне педагог.

Философия не предъявила образованию какой-то концепт нового человека. А точнее, концепт такой практики, которая создает человека соответственно времени.

Если точнее, то мы вынуждены констатировать принципиальную проблему неготовности антропологии как практики и дискурса. Она не работала, не осознала онтологического заказа: какие проекты человека формируются в ближайшем онтологическом горизонте и соответственно – какой социальный заказ необходимо предъявлять образованию как институту?

В итоге не ясно, что делать «неоформленному животному», чтобы в своих деяниях не развалить и не разрушить окончательно этот мир, и как сделать так, чтобы самому «собраться» в некий единый образ.

В качестве гипотезы, претендующей на онтологический статус, предположим: если попробовать нащупать некий собственно антропологический дискурс для образования как института человека, одним из таких возможных мыслительных и практических ходов будет выстраивание автопоэзиса как основного смыслодвижущего «ядра» образовательной практики.

Именно автопоэзис определяет существо становления целостного человека. Именно автопоэзис является тем методом, который делает предметным и практическим требование антропологии к человеку – стать человеком.

Упомянутый В. В. Бибихин восстанавливает исконное родовое предназначение поэта, согласно которому практика поэзии – «спасение, человека и через него как мессию (Христос) – природы» [4, с. 1]. Он сравнивает и уравнивает поэта со священником в их культурной функции: «в этом смысле, что Христос – существо человека, поэт и священник одно» [4, с. 10]. Бибихин, опираясь на немецкую традицию (Новалис, Гельдерлин) фактически восстанавливает утраченную память культуры о роли поэта как героя, то есть жертвы и жертвователя: «поэт и священник были исходно одно, и лишь позднейшие времена их разделили. «Истинный поэт всегда священник, так же как истинный священник всегда остается поэтом» (Новалис)» (цит. по : [4]). Снова из Новалиса: «поэзия есть великое искусство сознания трансцендентального здоровья. Поэт есть трансцендентальный врач. Поэзия властно правит болью и соблазном – удовольствием и неудовольствием – заблуждением и истиной – здоровьем и недугом – она перемешивает все ради своей великой цели всех целей – возвышения человека над самим собой» (цит. по : [4, с. 10–11]).

Ключевые слова сказаны: « поэт прототип человека, но вот что: не как первый Адам, который когда-то был, а прототип сейчас, по которому все образуется (цит. по : [4, с. 11]). И это восстановление роли поэта всегда актуально, поскольку «мир снова и снова отпадает от своего начала и существа, верности и любви, и поэзия каждый раз берет его уже как хаос, лес (материю), чтобы создать мир заново» (цит. по : [4, с. 10–11]).

Тем самым В. В. Бибихин возвращается к родовой роли поэта в человеке – восстановлению утрачиваемой цельности человека и мира через поэзис; попытка «отдавания себя в жертву», восстановления целостности человека. Человек становится собой через поэзис. В. В. Бибихин восстанавливает мировые корни-смыслы, культурный этимон понимания существа поэзии. Делая отсылки к Новалису, он идет далее – к ведической и античной традициям.

В. В. Бибихин пишет о культурной триаде, об особой роли поэта, философа и священника, фактически утверждая, что роль жертвователя перенял у священника поэт. Философия же выстраивает, вырабатывает грамоту для поэта, расшифровывает ее, благодаря которой поэт *узнает себя*. Первое правило поэтической грамотности, говорит В. В. Бибихин, – самописание, самораскрытие себя, своего лица, раскрытие истории, правды своей, правды лица – через зеркало философии.

Спросим себя: присутствуют ли в школе философ, поэт и священник? То есть онтологически, как присутствие, пребывает ли в школе философия, поэзия? Присутствуют они в ней практически? Приходят ли они, причем со своей собственной практикой, своим исконным словом? Или приходят, но редко, если вообще приходят, и не со своим словом, а по заказу, по приглашению, на праздник, на вечер? Но не для того ли, чтобы возделывать человеческое в человеке, а для того, чтобы проповедовать, идеологизировать, тем самым теряя свою онтологическую силу?

В школе должна укорениться настоящая философия – и настоящая поэзия. Укорениться практически, в виде адекватных культурных практик. Нам нужна ностальгия «по-настоящему». Мы же питаемся объедками и кормим детей суррогатом.

Тогда что это значит практически? Что такое пребывание автопоэзиса как практики в школе?

Самое удивительное – это то, что вообще-то очевидно и понятно. Для начала – следует перестать заниматься порочной практикой имитации и злостной активностью. Всеми этими ЕГЭ, олимпиадами, погоней за успеваемостью и прочим хламом, за которым лица человеческие совсем не видны.

В свое время М. М. Бахтин называл такое действие принципом «абсолютного себя-исключения» [3, с. 68]. Теперь – уже собственно методологическое замечание. Что есть автопоэзис с точки зрения метода?

Попробуем пока на уровне научной метафоры сравнить три метода, которые выработаны в искусстве – мимезис, экстазис и автопоэзис. И применим их в целом к антропологической практике, то есть пойдем их как методы выделки, лепки человека.

Автопоэзис отличается радикально от этих двух принципов и методов [см. : 6].

Главное в автопоэзисе попытка совершить то, что в принципе проблематично и всегда открыто: акт преобразования себя и рождения в себе нового существа, проделывающего на себе новый опыт, новый способ бытия, поскольку предыдущий невозможен, смертелен и проблематичен.

Искусство как практика становится тогда не просто подражанием (мимезис), не просто предельным опытом или формой самовыражения (экстазис), оно становится опытом преодоления смертной и преступной природы человека и может дать ему шанс становиться бессмертным. Культурно бессмертным. В автопоэзисе человек ведет тяжбу со своей смертностью, претендуя на некую форму культурного бессмертия.

Попробуем сформулировать некоторые принципы и идеи, на которых базируется культурная практика автопоэзиса.

Сначала необходимо положить три условия осуществления автопоэзиса, условия реализации практики автопоэзиса.

– Первое условие: осуществление *принципа себя-исключения*. Он полагает радикальную проблематизацию себя как сущего, как реальности, которая радикально не та и которая необходимым образом должна быть преобразована. На это надо быть готовым. Именно к этому принципу прежде всего мы все, смертные существа, не готовы. Мы рождаемся и принимаем наше эмпирическое пребывание как необходимое и должное и как то, что не нуждается в замене и пересмотре. Этот принцип в своей реализации как раз предполагает осуществление религиозного опыта, проблематизирующего тебя на фоне онтологического символического горизонта (идеи Бога, идеи Блага).

Сам по себе этот принцип себя-исключения не предполагает еще самого автопоэзиса, но он является базовым онтологическим условием осуществления автопоэзиса.

– Второй принцип: работа по осмыслению радикального опыта вопрошания и проблематизации. Это собственно философская работа, *работа*

онтологического вопрошания. Этим и занимается философ, фигуру которого, его образ, необходимо выращивать в себе.

Следствием этого (не автоматическим, а необходимым условием, следующим тактом духовной работы) является рождение в человеке образа философа.

Философ рождается (формируется) как тот образ, который вырабатывает адекватные средства осмысления практики поэзиса. Философия здесь становится той самой прикладной практической работой по осмыслению опыта пребывания на границе, опыта пестования, опыта пути.

В этом плане философия становится, с одной стороны, рефлексией по поводу религиозного опыта, а с другой стороны – грамматикой по поводу опыта автопоэзиса, поэтической практики.

– При наличии такой предуготовительной работы (радикального себя-исключения и рефлексивной философской работы по его поводу) становится реальным главный феномен в автопоэзисе: *феномен рождения образа поэта в человеке*, главной фигуры преобразования.

Речь идет именно о феномене, а не о профессии поэта. Боже упаси всех заставлять писать стихи и посылать их в редакции журналов. Спаси нас Бог от графоманства!

Речь идет о более радикальном вызове, о весьма нахальном желании человека осуществить реальное преобразование собственной «первой природы», хотя это и сопряжено с драматической и трагической коллизией в личной эмпирической жизни.

– В связи с осуществлением первых трех предуготовительных принципов логичным и понятным становится *преодоление феномена литературы (литературности)*. Автопоэзис предполагает отказ от порочных привычек писать «сочинилки», вообще писать и переводить все внимание с человека, с того, что с ним происходит, на тексты, которые он плодит, то есть на вторичное сырье. Автопоэзис лишь внешним образом похож на некое сочинительство. Автопоэзис предполагает «снятие», преодоление границы между так называемой реальностью и литературой, в которой эта реальность отражается, описывается и т. д. Под реальностью может быть как внешняя реальность, так и внутренняя психологическая реальность автора героев. Литература как особая реальность, сочиненная и представленная в знаковой форме означающего, перестает быть главным достижением, главным событием автопоэзиса.

– *Преодоление феномена «видения»*, то есть объективного исследования. Стихи – не просто некий предмет для анализа. Важно не просто выстраивать некие законы и принципы устройства стиха и прозы, некую поэтику. Важен процесс преобразования героя-автора.

– *Преодоление границ текста и языка и переход в план произведения*. Собственно произведением по модели автопоэзиса может быть только феномен личности, то есть то культурное образование, которое формируется и формируется автором на себе в процессе создания художественных текстов. Цель этой работы автопоэзиса – преобразование своей исходной природы и рождение в себе нового героя, формирование на себе новой архитектоники личности, позволяющей выходить в иной горизонт бытия и пребывать в нем.

– *Событийность и переходность*. Коль скоро преобразование автора, его собственная переплавка становится ведущим процессом, то событие перехода и транзита оказывается его постоянным состоянием.

Что является двигателем, мотором перехода? С. С. Хоружий говорит в своих работах об «онтодвигателе» как ключевой характеристике духовных практик [см. : 7]. Последние осуществляются ради онтологически значимых целей. Без такого рода целей практика превращается в некий тренинг, психотехнику. Автопоэзис в этом смысле сродни духовной практике, которая понимается как «сознательное, активное действие, ставящее онтологически значимую цель» [7, с. 382].

Чтобы обрести собственное бытие, чтобы соответствовать своему предназначению, соответствовать идее человека, онтологической идее, автопоэзис и осуществляется. Написание стихов и прозы выступают здесь как определенная работа, внешне похожая на мимезис и экстазис. Но внутренне, содержательно это действие принципиально иного порядка.

А потому не каждый поэт соответствует этому предназначению. Далеко не каждый ставит перед собой онтологически значимые цели, далеко не каждый ставит себя на онтологический предел, не каждый преодолевает литературность. Не каждый поэт понимает свою поэзию как судьбу. В лучшем случае поэт стремится написать лучше своего собрата. И тогда искусство можно понимать как переключку авторов со скрытым цитированием. Но себя, любимого, он все равно любит и лелеет и ничего делать с собой, любимым, не собирается. Не каждый полагает для себя, что поэзия – это судьба.

– Магистральным, сквозным метапринципом автопоэзиса в контексте выше сказанного становится *принцип преобразования*, или метаморфоза. Поэтому поэзис собственно требует освобождения от материала, который гнетет.

Продолжая использовать научные метафоры, допустим, что на языке антропологического дискурса могут быть и предъявлены три образовательные модели – модель экстазиса, модель мимезиса и модель автопоэзиса.

Все три модели предполагают активное использование культурных практик – искусства, философии и религии. Все они фактически в современной массовой школе отсутствуют.

Первая модель (модель мимезиса) предполагает построение человека как копировщика мира, подражателя мира. Он пытается ему соответствовать и через постижение правды мира пережить катарсис.

Родовая практика в такой модели – подражание миру («смотри случайные черты, и ты увидишь – мир прекрасен»). Превращенная форма – копирование, цитирование без сохранения человеческого голоса, чувства, мысли. Вторая модель (модель экстазиса) – модель творца, который порождает новые тексты, знаки, искусственные миры.

Родовая культурная форма такой практики – порождение уникальных культурных форм. Превращенная форма – порождение искусственной богемы, самодовлеющей чистой поэзии.

Третья модель (модель автопоэзиса) основана на культурных практиках преобразования. Превращенная форма – порождение искусственных

миров, вплоть до киборгов и мутантов, которое породило самого автора. Преобразование, теряя целостность образа и онтологическую цель, превращается в самоцель, и мы получаем чудище-трансформера.

Эти модели не предполагают прямого тождества с эмпирической практикой в образовании. Три модели в культуре – не три модели университета или три модели школы. Это три типа культурных практик, которые необходимо осуществлять в образовании как институте человека с тем, чтобы решить главную задачу – формирование образа человека в человеке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Флоренский П. А.** Сочинения. – М. : Правда, 1990. – Т. 2: У водоразделов мысли. – 448 с.
2. **Хайдеггер М.** Работы и размышления разных лет. – М. : Гнозис, 1993. – 464 с.
3. **Бахтин М. М.** Собр. соч. : в 7 т. – М. : Русские словари, 2003. – Т. 1: Философская эстетика. – 968 с.
4. **Бибихин В. В.** Грамматика поэзии. Новое русское слово. – М. – СПб. : Изд-во Ивана Лимбаха, 2009. – 592 с.
5. **Hauser M.** University in the age of instrumental rationality. Adorno and the decline of education // Philosophy of education. – 2012. – N 5. – P. 3–10.
6. **Смирнов С. А.** Автопоэзис человека. Философские очерки по антропологии стиха. – Новосибирск : НГУЭУ; Офсет, 2011. – 389 с.
7. **Хоружий С. С.** О старом и новом. – СПб. : Алетейя, 2000. – 477 с.

Принята редакцией: 30.12.2013

УДК 159.923 + 316.3/.4 + 316.6 + 376

ОБ ОБРАЗОВАННОСТИ ИНВАЛИДОВ КАК ВАЖНОМ ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ ФАКТОРЕ

М. Ю. Чернышов (Иркутск), **А. М. Журавлева** (Москва),
Г. Ю. Чернышова, **Е. А. Сотова** (Саранск)

Исследованию подлежат факторы образованности и воспитанности инвалида. Оценивается их влияние на психологическое состояние ин-

---

© Чернышов М. Ю., Журавлёва А. М., Чернышова Г. Ю., Сотова Е. А., 2013

Чернышов Михаил Юрьевич – кандидат философских наук, доктор педагогических наук, зав. методической частью КИЯ Иркутского научного центра (ИНЦ) СО РАН, действительный иностранный член Royal Society, почетный профессор Кембриджского университета.

Журавлева Анастасия Михайловна – преподаватель японского и английского языков, СОШ № 861 г. Москвы.

E-mail: antas09@yandex.ru

Чернышова Галина Юрьевна – художественный руководитель и главный режиссер театра «Крошка».

E-mail: evsot93@rambler.ru

Сотова Евгения Александровна – студентка Республиканского музыкального училища.

E-mail: evsot93@rambler.ru